

«Философия-ликбез». Встреча №52

Спиноза: Этический переворот — тело-зомби и смерть «управляющего Я»

Введение: «Застенчивая» этика Спинозы

Сегодня мы наконец-то знакомимся воочию с этикой **Бенедикта Спинозы** — задачей, к которой мы подступались уже несколько занятий. Этика **Спинозы** уникальна, но при этом невероятно «застенчива». Она не кричит о себе, не устраивает метафизический стриптиз, как это было у **Лейбница** или **Юма**. Она словно стесняется, боится незнакомцев, прячется под многочисленными одеяниями неверных интерпретаций. Из-за этой скрытности ее постоянно с чем-то путают.

Наша задача — разоблачить ее, сорвать эти покровы и увидеть ее подлинную, оригинальную и, осмелиюсь сказать, скандальную суть. Мы заставим ее повернуться к нам лицом, даже если этот лик окажется не таким презентабельным, как мы привыкли ожидать от «этики». Чтобы понять революционность **Спинозы**, нам необходимо сперва погрузиться в «этический архив» человечества и понять, с какими фундаментальными проблемами боролась этика до него.

Два «Полюса» Классической Этики

Вся предшествующая **Спинозе** классическая этическая мысль строилась на двух великих и совершенно разных основаниях. Эти основания можно выразить двумя греческими словами.

1. Первое — **ταραχή** (**тарахэ**), что переводится как **тревога**, беспокойство, смятение. Эта проблема была центральной для всей античной этики.
2. Второе — **όφειλητα** (**офеильтама**), слово, буквально означающее «невозвращенный долг», но в общем смысле — **вина**. Эта проблема стала ядром христианской монотеистической этики.

Эти два понятия определили два совершенно разных подхода к человеческой жизни, которые мы сейчас и рассмотрим.

Античная Модель: Контроль над Аффектами и Парадокс Тревоги

Основной целью античной, да и в целом всей архаичной, мифологической мысли был **вход в определённое состояние**. Человек стремился достичь некоего блага, внутреннего покоя, счастья. Это состояние могло называться **эвдемонией** (счастьем, блаженством) или **атараксией** (невозмутимостью, безмятежностью) или как-то еще. Любое такое состояние, от бурной радости до полного спокойствия, можно обозначить общим термином — **аффект**.

Проблема заключалась в том, что наши желания и страсти — наши аффекты — хаотичны и противоречивы. Они разрывают нас на части, тянут в разные стороны, лишая целостности и покоя. Как решить эту проблему? Древние мыслители предложили идею **контроля** над аффектами. Они верили, что внутри человека существует некая «точка управления», некое подлинное, **автономное «Я»**. Если найти эту точку (которую стоики называли **адиафора** — «точкой безразличия»), можно научиться управлять своими аффектами, говорить им «нет» и не поддаваться их влиянию.

Таким образом, вся античная этика — это поиск этого внутреннего центра управления, который позволил бы человеку сознательно войти в желаемое благое состояние и пребывать в нем.

Однако на этом пути возникла непреодолимая трудность — **парадокс тревоги**. Чем усерднее человек пытается бороться с тревогой, тем больше он тревожится. Любая ментальная стратегия по достижению безмятежности сама становится источником беспокойства: «А правильно ли я ее применяю?», «А что, если у меня не получится?», «Учитель во мне разочаруется!». Тревога начинает расти экспоненциально. Представьте, что вам говорят: «Не тревожься, иначе у тебя разовьется тревожное расстройство!» — такой совет лишь усилит первоначальное беспокойство.

Логическим завершением этого пути стал **сkeptицизм**: «Если я даже достигаю блага и избегаю зла, то все равно буду тревожиться, что могу потерять первое и не уберечься от второго». Поэтому единственный способ победить тревогу — это полностью **отказаться от познания**. Если сам процесс поиска истины и правильной стратегии порождает тревогу, то нужно прекратить этот поиск. Когда я останавливаю процесс мышления и перестаю выносить суждения, я достигаю **изостении** (равновесия аргументов), и тревога уходит.

Так античная мысль пришла к фундаментальной дилемме: ты можешь достичь счастья и безмятежности, но цена за это — отказ. Этическое решение проблемы требовало интеллектуального самоустраниния.

Христианская Модель: Освобождение от Аффектов и Исходная Ущербность

Когда человек отчаивается найти внутри себя точку опоры и приходит к выводу, что «со мной что-то не так», рождается совершенно иная этическая модель — христианская. В ее основе лежит не внешняя тревога, а внутренняя, фундаментальная **ущербность** или **греховность**. По-гречески это звучит как **ἀμάρτια (хамартия)**, что буквально означает «промах». Человек изначально «промахивается», он не способен достичь блага самостоятельно.

Из этого ощущения исходной ущербности рождается чувство вины — то самое **φείλημα (офеилима)**, «невозвращенный долг». Представьте себе игрока в казино. Сначала он контролирует себя, но постепенно ставки растут, контроль теряется, и он проваливается в пике, не в силах остановиться, даже оставшись без денег. Он ощущает внутри себя бездну, провал, который не может заполнить сам. Так и человек в христианской модели осознает, что его «подлинное Я» не просто скрыто — оно фундаментально повреждено или вовсе отсутствует. Любой аффект становится ловушкой, затягивающей в эту внутреннюю бездну.

Поскольку решение нельзя найти внутри, его ищут вовне. Целью становится уже не «вход в состояние», а **освобождение от аффектов**. Это освобождение приходит от **Другого — от Бога**. Через веру и благодать человек совершает **Θεόσις (теозис)** — «обожжение», то есть заимствует образ Бога, чтобы заполнить свою внутреннюю пустоту. Инструментом для этого служит **ἐκκλησία (эклесия)** — сообщество верующих, которое позволяет человеку экзистенциально «жить в будущем», в уже наступившем Царствии Божьем, и тем самым разрешить проблему вины.

Казалось бы, христианство нашло решение. Однако оно столкнулось с той же проблемой, что и античность, просто с другой стороны. Уверенность каждого сообщества верующих в своей исключительной истинности и причастности к будущему Царству неизбежно порождала **расколы**. История христианства — это история непрерывных расколов, где каждая новая ветвь была абсолютно уверена в своей правоте.

В итоге, как и в случае со скептицизмом, результатом стал отказ от **единой, целостной картины мира**. Цена за этический покой, будь то через скептический отказ от суждений или через религиозную веру, — это отказ от универсального знания.

Радикальный Поворот Спинозы: Критика «Управляющей Инстанции»

Что же досталось нам, современным людям? Мы унаследовали обе проблемы. Наша культура одновременно говорит нам: «Будь собой, найди свое подлинное Я, реализуй свои желания!» (античная модель) — и тут же осуждает нас, если эти желания выходят за рамки, внушая чувство вины (христианская модель).

Мы оказались в ловушке между тревогой и виной. Эта двойственность и породила то, что мы сегодня называем **«психикой»** — внутреннее пространство, ставшее полем битвы для этих двух великих этических проблем. Мы постоянно мечемся от одной к другой, решая одну проблему за счет создания другой. Мы стали идеальной клиентурой для психологов.

И вот здесь на сцену выходит **Спиноза**. Он увидел, что обе великие традиции, античная и христианская, при всей их противоположности, совершали одну и ту же фундаментальную ошибку. Они обе исходили из предрассудка о существовании некой **«управляющей инстанции»**.

Давайте рассмотрим простое действие: я решил взять со стола маркер и взял его. Нам кажется, что сначала в уме («Я») возникло решение, а потом тело его исполнило. **Спиноза** говорит: это иллюзия. Существуют два параллельных, независимых друг от друга процесса, которые происходят в двух разных **атрибутах** (способах выражения единой субстанции):

- **Атрибут мышления:** последовательность идей, мыслей, решений.
- **Атрибут протяжения:** последовательность физических событий, движений тел.

Ключевая идея **Спинозы** в том, что между ними **нет взаимодействия**. Мышление не управляет телом, а тело не влияет на мышление. Это два параллельных «трека», две стороны одной медали, которые разворачиваются синхронно, но не каузально.

Тело-Зомби и Иллюзия Контроля

И тут самое место вспомнить о мысленном эксперименте про «планету зомби». Философы сознания предлагают представить существ, идентичных нам по поведению и биологии, но не имеющих никаких внутренних переживаний. Сам факт, что мы можем помыслить такое, означает: субъективное ощущение (*qualia*) — это не просто результат биохимических процессов в мозгу, а не объяснимое ими **дополнительное качество**.

Спиноза мог бы перевернуть этот эксперимент с ног на голову и заявить: это не мысленный эксперимент, это реальность!

1. **Все, кто вас окружают, — это зомби.** Их тела действуют и говорят без всякого ментального контроля с их стороны.
2. **То тело, которое говорит и действует от вашего имени, — тоже зомби.**

Речь, которую я произношу, жесты, которые я делаю, — все это производит мое тело по своим собственным законам, законам атрибутива протяжения. А что же тогда мое мышление, мое «Я»? Оно — всего лишь, если угодно, **«videoregistrator»**, который фиксирует происходящее с телом и одновременно с этим порождает идею о том, что именно он является причиной этих действий.

Наше мышление не умнее нашего тела — оно просто наблюдает за ним постфактум, приписывая себе роль кукловода. Мы не управляем своим телом; мы — лишь осознание того, что наше тело делает. Если угодно, мы ошибочно принимаем запись видеорегистратора за пульт управления. И в этом заключается величайший предрассудок, который и взялся разоблачить **Спиноза**.

Важно понимать, что «зомби» — это характеристика, относящаяся исключительно к **телу**. Именно у тела нет сознания, ментальных переживаний. И когда **Спиноза** говорит, что у тела нет сознания, он имеет в виду и свое собственное тело.

Представьте себе самого **Спинозу**: вот его тело живет в Амстердаме, шлифует линзы, пишет трактаты. Так вот, у этого самого тела, которое совершает все эти действия, нет и не может быть никаких ментальных переживаний. Сознание и тело существуют в разных, непересекающихся измерениях — **атрибут мышления и атрибут протяжения**.

Тело-творец: Кто Пишет Музыку и Статьи?

Здесь может возникнуть возражение: если и мышление, и протяжение — это всего лишь **атрибуты единой Субстанции**, не означает ли это, что на самом деле существует лишь эта **Субстанция**, проявляющаяся по-разному, и разделение не так уж и важно?

Проблема в том, что, по **Спинозе**, эта **Субстанция** существует *только* в своих проявлениях. Нет какого-то отдельного места, где она пребывает в чистом виде. Она изначально распределена по своим бесконечным **атрибутам**. Для нас это, возможно, шанс найти нечто единое, пронизывающее все сущее, но пока это лишь намек на решение, а не само решение. Фундаментальный разрыв между **атрибутами** остается.

Давайте рассмотрим это на конкретном примере. Кто пишет музыку? Мышление Чайковского или тело Чайковского? По **Спинозе** — однозначно тело. Именно тело совершает физические действия, приводящие к созданию симфонии.

То же самое касается и любой другой творческой или интеллектуальной деятельности. Я, лектор, готовлюсь к лекции, сижу за ноутбуком. Если я буду просто прокручивать идеи в голове (**в атрибуте мышления**), лекция не состоится. Чтобы она материализовалась, мое тело должно начать печатать. И вот интересный момент: в процессе печати тело может «напечатать» идею, которой изначально в моем сознании не было. Пока я шел в кофейню, я обдумывал лекцию, но мысль об эксперименте с планетой-зомби мне в голову не приходила. Я сел работать, и *мое тело напечатало* этот пример.

Это и есть иллюстрация того, как два процесса идут параллельно. С одной стороны, сложная, запутанная работа моего сознания: построение схем, перемешивание идей, ассоциации. Это — мои ментальные переживания. С другой — физическое действие моего тела, которое набрало текст на клавиатуре. Это два разных, независимых процесса.

Таким образом, новизна идеи **Спинозы** состоит в радикальном разрыве. Если до него философы могли предполагать независимость души и тела, но все же рассматривали их как два аспекта одного и того же «Я», то **Спиноза** утверждает: тело — это вообще нечто другое. «Я» — это только ментальное. С другой стороны, это «Я» существует действительно как подлинное ментальное переживание, а не является структурной иллюзией.

Ошибка Редукционизма: Мышление как Функция Мозга

Продолжая снимать покровы с этики **Спинозы**, мы сталкиваемся со вторым распространенным заблуждением — попыткой свести его учение к **материалистическому редукционизму**.

Материалистический редукционизм, ярким представителем которого можно считать **Томаса Гоббса**, утверждает, что мышление — это не более чем функция мозга. Все наши ментальные переживания, от любви до тревоги, сводятся к биохимическим процессам. Любовь? Это просто «гормональный коктейль». Все наши мысли и чувства — это иллюзорное эхо физических процессов в теле.

На первый взгляд, эта позиция может показаться похожей на мысль **Спинозы** о телезомби. Редукционист тоже скажет: «Да, конечно, все мои мысли и поступки — результат биологических процессов, я лишь марионетка своего тела». Однако это фундаментальная ошибка.

Позиция редукционизма, по сути, очень успокоительная. Во-первых, она сохраняет единство ментального и физического. Да, «управляющая инстанция» теперь не ментальная, а телесная (мой мозг, моя биохимия), но она по-прежнему существует: мозг отдает приказ, а мышление лишь отражает его как иллюзию собственного решения. Во-вторых, такая позиция дает прекрасное оправдание любым поступкам: «Это не я, это мои гормоны».

Спиноза же предлагает нечто куда более радикальное и тревожное. Для него «ментальное» — это не иллюзия и не функция тела. Это абсолютно реальное,

самостоятельное измерение бытия. Между ментальным и физическим нет причинно-следственной связи, нет «управляющей инстанции». Нет никакого единства — есть два параллельных, независимых процесса.

В этом и заключается ключевое различие:

- **Редукционизм:** Сохраняет единство ментального и физического, делая мышление иллюзорной функцией тела. Это успокаивает.
- **Спиноза:** Полностью уничтожает идею единства: мышление реально, но бессильно. Оно лишь наблюдает за действиями тела, как видеорегистратор. Это тревожит.

Патология как Норма и Движение к *Adaequatio*

И здесь мы подходим к самой сути этической проблемы по **Спинозе**. То, что современная психиатрия определяет как патологию — **деперсонализацию**, диссоциативные расстройства, ощущение чуждости собственного тела, — для **Спинозы** является не отклонением, а *фундаментальной нормой*, исходной точкой человеческого существования.

Мы привыкли мыслить иначе: есть «нормальные» люди, у которых сознание и тело едины, и есть «больные», у которых эта связь нарушена и которых нужно «лечить». **Спиноза** переворачивает эту логику с ног на голову. Изначально, в своей основе, каждый из нас — это и есть этот раскол, эта пропасть между бессильным наблюдающим сознанием и автономно действующим телом.

«Нормальный», адаптированный человек — это тот, кто уже проделал путь *от* этой исходной патологии. А люди с психическими расстройствами — это те, кто в наиболее чистом виде демонстрирует эту изначальную, онтологическую «точку старта» человеческого бытия. Мы все начинаем с этого несоответствия.

Этот изначальный раскол и есть фундаментальная этическая проблема, источник наших страданий. Мои ценности, желания, цели существуют в **атрибуте мышления**. Но мое тело, существующее в **атрибуте протяжения**, действует по своим собственным законам, не подчиняясь моим ментальным установкам. Я пытаюсь заставить его слушаться, разрабатываю все новые ментальные стратегии (стоические, христианские, психологические), но каждая такая попытка лишь увеличивает разлад, подкидывает дров в костер этого внутреннего конфликта.

Что же предлагает **Спиноза**? Если подчинение невозможно, то каков выход?

Выход — в достижении *adaequatio* (лат. «соответствие», «уравнивание», «баланс»). Цель не в том, чтобы подчинить тело, а в том, чтобы достичь гармонии, совпадения между процессами в **атрибуте мышления и атрибуте протяжения**.

Когда это совпадение достигается — например, моя удачная реплика в точности соответствует тому, что я замыслил, — я испытываю радость (*laetitia*). Когда я терплю неудачу, я чувствую печаль (*tristitia*).

Движение к этому балансу, к *adaequatio*, и есть вектор этического развития человека. Это не данность, а цель. Несмотря на то, что дистанция между двумя атрибутами непреодолима, их уравнивание возможно. Но как из нашей изначальной «ненормальной» ситуации, где **деперсонализация** — это не метафора, а реальность, перейти к этому балансу? Об этом мы и поговорим на следующей лекции.